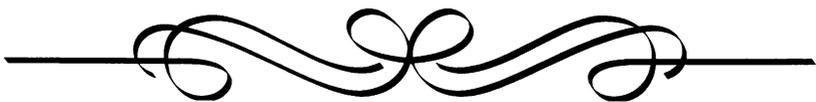

Глава XVI

*Внешняя политика
и набеги татар*

В то время как Иван путем жестоких расправ очищал ряды своего войска и администрации, горизонт его внешней политики омрачался все новыми тучами. Вскоре после свержения с престола Эрика XIV Шведского и воцарения Юхана III новый король направил в июле 1569 года в Россию посольство во главе с епископом Або Павлом Юстеном для переговоров с Иваном. Сначала царь был настроен миролюбиво и заявил, что требовал выдачи жены Юхана Екатерины Ягеллонки лишь потому, что полагал, будто Юхана уже нет в живых (во что последнему было трудно поверить), и рассчитывал вызволить ее из тюрьмы, куда ее заключил Эрик, приговоривший своего брата к смерти за попытку мятежа¹.

Юстен прибыл в Новгород 14 сентября 1569 года, когда посольство Ивана в Швецию, отправленное в 1567 году для реализации договоренностей с Эриком о выдаче и доставке в Россию Екатерины и возглавляемое боярином В.М. Воронцовым, уже вернулось домой. С самого начала Юстену было заявлено, что он должен вести переговоры с новгородским наместником и не может рассчитывать на личную встречу с царем после смещения Эрика, поскольку Юхан не наследственный, а избранный король, то есть принадлежит к низшему рангу правителей. Царь был разгневан известием о нападках сторонников Юхана на его посла Воронцова и настаивал, чтобы шведские послы обращались к

новгородскому наместнику как «к брату шведского короля», что Юстен отказался делать. Тогда наместник приказал русским напасть на шведов, у них была отнята одежда и обувь. Их заставили идти по улице в нижнем белье, не прикрыв ягодиц и гениталий*, все имущество отняли, держали «словно свиней в хлеву»**, лишали еды и питья. «Никто из нас не привык утолять жажду водой иначе как в крайнем случае, да и не каждый день», — жалуется Юстен². Пристав, посланный Иваном, недвусмысленно объяснил, что грубое обращение было местию за нападение шведов на русское посольство в 1568 году³. К счастью для шведов, в 1570 году их доставили «как арестантов и преступников» в Москву, благодаря чему они избежали встречи с Иваном, готовившимся со своими опричниками к разграблению Новгорода. Послы едва спаслись.

Когда в мае 1570 года Иван вернулся в Москву из своей карательной экспедиции в Новгород, он по-прежнему не собирался встречаться со шведскими послами. Более того, вскоре у него осталось еще меньше причин, чтобы считаться с ними, поскольку вследствие заключения 20 июня 1570 года трехлетнего перемирия с Речью Посполитой царь мог не опасаться ее нападения в случае войны со Швецией. Однако политику, проводимую Иваном в мае — июне 1570 года, когда шведские послы были, наконец, приняты в Москве Иваном Висковатым и Андреем Васильевым (оба вскоре были казнены), трудно понять: царь утверждал теперь, что «уступки», сделанные им ранее Эрику, были обусловлены согласием шведской стороны выдать супругу Юхана. Если «шведы готовы немедленно ее выдать», подписанный с королем Эриком в 1567 году договор может быть возобновлен. Кажется, что царь искал разрыва со Швецией. 6 июня 1570 года шведские дипломаты были вторично вызваны в Кремль и под угрозой ссылки, пыток и тюремного заключения согласились вести переговоры в Новгороде, чтобы смягчить Ивана, хотя русские секретари выдвигали предварительным условием любых обсуждений выдачу Екатерины Ягеллонки. Непонятно, как Иван собирался ее использовать: в качестве жены (в это время он овдовел), любовницы или политической заложницы? В более позднем письме к самому Юхану III от 11 августа 1572 года Иван выражается более определенно и обвиняет Эрика в том, что тот хотел

* Этих подробностей в тексте Юстена нет.

** Речь идет о посольской свите.

выдать ему Екатерину «обманом», и эта политика привела его к потере трона. Затем, продолжает Иван, *«осенью нам говорили, что ты умер, а весной сказали, что тебя согнал с государства брат твой Карл ... А после этого пришла весть про послов твоих, будто они игут и будто ты на своем государстве ... а ты, говорят, сидишь в Стокгольме в осаде, а брат твой Эрик на тебя наступает»*⁴. Таким образом, царь оправдывал свои прежние заявления по поводу Екатерины пуганицей.

Примерно в середине июня 1570 года Иван выслал шведскую делегацию в Муром⁵, где она находилась под домашним арестом до ноября 1571 года в весьма стесненных условиях⁶, причем шведы были вынуждены покупать еду на собственные деньги, запас которых истощился, и шить себе одежду*. По-видимому, Иван намеревался добиться признания русского суверенитета над Швецией, требуя, чтобы шведы вели переговоры не с самим царем, а только с новгородским наместником, как это бывало раньше, когда Новгород был независимой республикой. Он доказывал, что Швеция не является равным с Россией королевством, а имеет статус провинции⁷, наподобие Ливонского королевства Магнуса, нового вассала Ивана.

Летом Савин привез в Москву ответ королевы Елизаветы на предложение о заключении союза. Каково бы ни было подлинное содержание этого письма, Ивана оно явно возмутило, и его новое послание было выдержано в таком тоне, какого в отношении Елизаветы до этого, вероятно, никто себе не позволял. В письме от 24 октября 1570 года, посланном через переводчика Сильвестра, царь резюмирует всю историю русско-английских отношений, обвиняя английских купцов в бесчестности и жалуясь, что ни одно из писем, доставленных ему из Англии, не было как следует запечатано одной и той же печатью. На письмах были разные печати, что не способствует укреплению доверия между державами. Иван высказывал недовольство тем, что не получил известий от «Антония», или «Онтона», (Дженкинсона), который не сопровождал Рандольфа, прибывшего в ранге английского посла, и что Рандольф говорил только о торговых и мужицких делах и отказывался говорить о «государских делах». Иван подчеркивает, что он настаивал на возвращении Дженкинсона с целью узнать у него мнение королевы

* В русском издании говорится, что послы получали хлеба в изобилии и, продавая излишки, покупали себе одежду и обувь.

по секретным вопросам, то есть по вопросу о предоставлении Ивану убежища. В заключительной части своей речи Иван восклицает: *«Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства ... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица»*. При этом царь лишает Московскую компанию всех пожалованных ей торговых привилегий⁸. До этого момента он не связывал торговые привилегии англичан с переговорами о союзе. Теперь он решил связать эти два вопроса и оказать на Англию давление. Недопонимание усиливалось еще и вследствие различного подхода к делу. Елизавета могла думать, что достаточно устной договоренности, в то время как Иван хотел получить договор, подтвержденный клятвой королевы по каждому пункту⁹.

С течением времени ведение Ливонской войны становилось все более и более обременительным как для Дании и Швеции, так и для ее третьего участника, Любека, который нес убытки из-за невозможности торговать с другими ганзейскими городами. Но надежды Ивана на поддержку короля Магнуса в Ливонии со стороны Дании были обречены на провал: Фредерик Датский не собирался отвоевывать Ливонию для Иванова вассала, даже если речь шла о его собственном младшем брате. На мирной конференции, организованной за кулисами императором Максимилианом II, французским королем, и Сигизмундом Августом, 30 ноября 1570 года¹⁰ был заключен Штеттинский мирный договор, положивший конец так называемой Семилетней Северной войне*. Это никак не способствовало планам Ивана, потому что все державы, участвовавшие в военных действиях на Балтике, могли теперь объединиться в борьбе против него. Тем временем осада контролируемого Швецией эстонского Ревеля, которая велась русскими силами под командованием короля Магнуса, оставалась безрезультатной. Дания, разумеется, отказала в помощи, а у Ивана было слишком мало сил, чтобы послать подкрепление. Царь рассчитывал, что в случае успеха Магнус сможет затем оказать ему содействие в борьбе с татарами. Более угрожающим

* Между Швецией и Данией.

для Ивана был тот факт, что после заключения Штеттинского мира шведский король, который мог рассчитывать на молчаливую поддержку своего шурина Сигизмунда Августа, расширил военные действия на море. Он создавал помехи для доставки русских товаров в Нарву, которая стала почти на равных соперничать с Ригой, и прекратил нападения на датские суда и их захват. В конце марта 1571 года Магнус отказался от борьбы за Ревель и снял осаду¹¹. Теперь он (как и ливонские дворяне Таубе и Крузе) стал для Ивана бесполезным.

Крымский хан, в это время менее зависимый от политики турок, мог приступить к новому походу на Россию. Прежде всего, он устранил одно из препятствий на своем пути в лице бывшего тестя Ивана, кабардинского хана Темрюка, который подвергся нападению сына Девлет-Гирея и был тяжело ранен, а двое его сыновей попали в плен. Затем крымский хан попытался привлечь на свою сторону хана Ногайской орды, в которую входили некоторые татарские племена Кавказа*. Главные силы русской обороны против татар стояли на Оке, их возглавляли два самых выдающихся русских полководца, князья И.Д. Бельский и И.Ф. Мстиславский, однако в 1570 году крымцы ограничивались мелкими стычками с русскими.

Кончина в 1569 году царицы Марии сначала, по всей видимости, не повлияла на положение Михаила Темрюковича Черкасского в России. Судьба брата Марии Темрюковны решилась, вероятно, в начале 1571 года. Теоретически он должен был возглавить один из крупнейших русских полков во время похода против крымского хана, но его следы теряются. Время и обстоятельства его смерти окружены ореолом таинственности и сопровождаются историями о том, что Иван велел привязать свирепых медведей при входе и выходе из ворот его дома, что создавало большую опасность, и рассказом о страшной казни его шестнадцатилетней жены и шестимесячного сына еще в 1568 году¹². Два крупнейших историка относят гибель Михаила Черкасского к маю 1571 года, когда крымская армия продвигалась в сторону Оки. Согласно одной из версий, в русском войске распространился слух о том, что отец Марии и Михаила, Темрюк, присоединился к наступающей рати Девлет-Гирея. После этого Михаил был понижен в опричной должнос-

* В англ. оригинале: «одно из татарских племен Кавказа». В действительности ногаи кочевали на территориях от Урала до Приазовья.

ти, а затем «изгиб безвестно»¹³. Более правдоподобная версия гласит, что он был переведен на командование военными силами под Серпуховом и там расстрелян или зазрублен опричными стрельцами в период между 13 и 16 мая 1571 года¹⁴.

В 1571 году русское войско получило подкрепление в лице корпуса опричников, ведомого самим царем и 15 мая 1571 года выступившего на Оку. Иван пожинал плоды своих репрессий: множество русских дезертировали в армию Девлет-Гирея. Они доносили, что моровая язва недавно унесла в могилу немало московских жителей, что царь казнил огромное количество своих подданных и что у него оставалось мало солдат, поскольку основные силы его войска находились еще в Ливонии. Тем временем татарская армия численностью от 40 000 до 200 000 человек продолжала двигаться к Москве¹⁵. Один из дезертиров вызвался показать татарам брод, пройдя через который они обошли бы стороной русские сторожевые силы на Оке и оказывались лицом к лицу с царем, имевшим в распоряжении только небольшие опричные силы. Иван отступил без боя и укрылся в Ростове, откуда нетрудно было перебраться в Вологду и искать спасения на море. Впрочем, по словам Таубе и Крузе, он бежал без остановки до самого Ярославля¹⁶. Записи в военных реестрах (разрядных книгах/, относящиеся к этому событию, очень лаконичны, но в них заметно удивление авторов по поводу трусости царя.

23 мая крымская армия неожиданно подошла к Москве, которую никто не оборонял. Хан остановился в царском дворце в Коломенском предместье, а основные русские силы под командованием князя И.Д. Бельского, М.Я. Морозова, князя И.Ф. Мстиславского и князя М.И. Воротынского были рассредоточены по всему городу; корпус опричников во главе с князем В.И. Темкиным-Ростовским находился в тылу. Но Девлет-Гирей прибег к страшному оружию: 24 мая он поджег пригороды, а неожиданно поднявшаяся буря распространила огонь, который вскоре охватил деревянную Москву. Огонь свирепствовал три – четыре часа и истребил большую часть деревянных строений и укреплений, а также многие кирпичные и каменные дома. По всему городу гудел набат, но постепенно колокола стихали и падали на землю. Взлетели на воздух пороховые погреба. Тысячи людей задохнулись в дыму, в том числе и раненый в бою князь И.Д. Бельский и члены его семьи, а также врач Ивана доктор Арнольд, патрон Шлихтинга. По-

гибли лошади и скот, даже львы, подаренные Ивану Марией и Филиппом; были разрушены сотни зданий, включая новый опричный дворец, построенный всего за несколько лет до этого и хранивший огромные запасы продовольствия, фуража и оружия. Царь приказал бросать мертвых и умирающих в реку, но это оказалось невозможно: она вышла из берегов и разлилась, заражая всю питьевую воду. Погибших было так много, что *«река Москва не вмещала всех тел»*. Уцелел только полк под командованием князя М.И. Воротынского, укрывшийся от ветра в предместьях Москвы и защищавший город по мере сил от грабивших его татар. Чтобы похоронить всех мертвых, по сообщению Горсея, понадобился целый год¹⁷.

Число жертв в современных источниках, как это часто бывает, значительно преувеличено; например, Джайлс Флетчер приводит цифру 800 000 человек, в то время как все московское население насчитывало 100 000. Тысячи людей были пленены крымцами и уведены для продажи в рабство и еще многие тысячи схвачены в городах и селах, разграбленных ими на обратном пути на юг¹⁸. Оставшиеся в Москве бояре не отваживались сообщить о катастрофе Ивану в Ростов. Когда он узнал о ней, то ограничился горьким замечанием: *«Москву уже сожгли, а меня не извещали десять дней. Веды это измена не малая»*¹⁹.

Кого же он боялся? Татар или своего народа? Скорее, последнего, как отмечает один из историков, опираясь на сообщение посла Джайлса Флетчера о том, что царь опасался вступить в сражение, не доверяя своим дворянам и военачальникам и из боязни, что они выдадут его татарам²⁰. Иван был взбешен, оказавшись в ситуации, в которой были повинны *«измена и вероломство»* его людей и его собственная беспомощность. *«Передо мною пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском войске знать не дали»*, — восклицал он²¹. Излишне говорить, что за этим последовал обычный розыск под пытками тех, кто мог быть виноват в неосведомленности царя о многочисленных дезертирах и в том, что крымская армия застала его врасплох.

10 июня 1571 года Иван вернулся в Москву и принял посланцев крымского хана, который проявил в обращении к нему мало учтивости, угрожал царю, требовал сдачи Казани и Астрахани, выплаты старой дани и высмеивал его бегство из Москвы²². Иван был вынужден принять послов со всей любезностью, надев в знак траура самые поношенные одежды; он даже пригласил их на обед и одарил мехами.

Царь приказал своему бывшему послу в Крыму Афанасию Нагому начать переговоры с ханом Девлет- Гиреем и был готов согласиться на назначение в Астрахань ханов из Крыма, правда, с одобрения России. Но хан отверг предложения Ивана и, судя по всему, был твердо намерен продолжать войну²³. Эти унижительные переговоры лишь укрепили желание Ивана расправиться с предателями у себя на службе, которых теперь он искал среди опричников. Царь был убежден, что отрезанный им для себя удел не обеспечивает ему подлинной безопасности; сначала смерть царицы Марии, а затем разорение Москвы ослабили его привязанность к опричникам. Опричное войско не защитило столицу, и наиболее надежным оказался представитель земщины М.И. Воротынский. Разумеется, кто-то должен был ответить за катастрофу, и Иван обрушил свой гнев на опричных предводителей, четверо из которых были казнены летом 1571 года, в том числе такие лично назначенные им фигуры, как князь И.Д. Темкин-Ростовский. По сообщению Таубе и Крузе, царский лекарь, доктор Бомелий, по поручению своего хозяина отравил до сотни военных и приказных²⁴.

Эти казни могут быть соотнесены со слухами о серьезной ссоре между царем и царевичем, которые курсировали в это время и сохранились в разных версиях. В отличие от Василия III, который в свое время, будучи царевичем, получил собственный территориальный титул и земли, царевич Иван по достижении совершеннолетия не был удостоен такой милости. Один из служивших ему бояр был, вероятно, убит одновременно с князем Михаилом Черкасским. По мнению Скрынникова, обвинение в измене было выдвинуто против Ивана Ивановича вследствие интриг старших опричников, прежде всего Малюты Скуратова, изображенного в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный» в качестве *ока государева*. После А.Д. Басманова и Вяземского Скуратов стал главным советником царя среди опричников. Скрынников называет его главой тайной *разведки* Ивана, хотя такого учреждения при царском дворе не существовало. Однако перед глазами Эйзенштейна во время съемок его знаменитого фильма, в котором Малюта Скуратов играет важную роль, несомненно, проходили образы глав ОГПУ, ГПУ, НКВД – Ягоды, Ежова и Берии. Обвинения в измене были направлены преимущественно против остававшихся в живых членов семьи Анастасии, Захарьиных-Юрьевых, тесно связанных с царевичем Иваном Ивановичем по линии его матери и с Михаилом Черкасским через его жену²⁵.

Слухи о ссоре между царем и его сыном могли дойти до Польши в начале 1571 года, когда там появился Шлихтинг. 3 января 1571 года папский нунций в Кракове, Винченцо дель Портико, в письме к понтифику упоминает о прибытии из России человека, рассказавшего о разладе между царем Иваном и его сыном. Речь могла идти о Шлихтинге, который мог знать всякого рода подробности о жизни царской семьи как секретарь и доверенное лицо царского лекаря²⁶. По-видимому, ссора привела к открытому разрыву между отцом и сыном, и есть свидетельства, что представители высшей знати разделились в этой связи на партии. Передающий эти сведения Скрынников отмечает отголоски слухов о ссоре в народных преданиях и исторических песнях о «гневе грозного царя», который привел к гибели Ивана Ивановича от рук собственного отца. В одной из сохранившихся песен поется об Иване, размышляющем о том, как вывести измену из «каменной» Москвы; потом к нему входит Малюта Скуратов и говорит: «Ах ты гои еси, царь Иван Васильевич! Не вывести тебе изменушки до веку. Сигит супротивник [царевич Иван Иванович] супротив тебя...». Иван приказывает арестовать сына и отвести на Поганую лужу, где исполнялись все казни летом 1570 года. Но брат Анастасии и дядя царевича Никита Романович предостерегает Малюту: «Не за свой ты кус принимаешься, ты этим кусом подавишься!» В песне Иван восклицает: «Я вас, бояре, всех в котле сварю» (возможный намек на судьбу Фуникова, казненного в Москве 25 июля). Впоследствии Малюта Скуратов был отдан Никите Романовичу на расправу*. Конечно, он был главным палачом Ивана и руководил настоящей кампанией по истреблению клана Юрьевых, хотя Никите Романовичу удалось уцелеть²⁷. Тем не менее Малюта заключил удачный брак с одной из Шуйских, а затем его дочь была выдана замуж за молодого и подающего надежды Бориса Годунова.

Вскоре после кончины Марии Темрюковны Иван приказал устроить смотрины невест со всей страны, чтобы найти для себя новую жену. В 1570 году люди из опричнины объехали Россию, чтобы «осмотреть всех девишек, молодых и старых, высшего и низшего сословия, заметить и описать их имена, рост и наружность ... и велел всех их, в количестве 2000, привести в Александровскую слободу». Эта цифра представляется несколько преувеличенной — она обычно всегда фигурирует в рас-

* То есть, по версии песни, а в жизни все было иначе.

сказах о съездах на санях и в повозках в Александровскую слободу, в частности, потому, что многие семьи старались избежать этой опасной чести и даже подкупали опричников²⁸.

Смотрины в описании ливонских дворян постепенно превращаются в нечто фантазмагорическое: *«Когда они все собрались со всех концов и краев, осматривал он [Иван. — И. де М.] их следующим образом, для чего употребил почти целый год. Каждую особу или девушку приказал он привести в дом, где она должна была одеться наряднейшим образом. Затем он входил в комнату вместе с двумя или тремя доверенными лицами, тоже разодетыми самым тщательным образом, кланялся им, говорил с ними немного, осматривал их и прощался с ними ... Тех, кто не понравился ему, употреблял он для позорного плотского слагострастия, раздавал им кое-что и выдавал их замуж за своих палачей, или они были вовсе прогнаны безжалостным образом. Из всех осталось 24, и, подержав их доброе время одну за другой, выбрал он из них 12, и когда мы 26 июня 1571 г. были у него в Александровской слободе, избрал он для себя и своего сына тех, кого он хотел, следующим образом: они должны были снять все украшения и платья и дать осмотреть себя безо всякого затруднения и сопротивления нагими».*

Царский лекарь, доктор Бомелий, который имел репутацию чернокнижника, присутствовал при этой процедуре и должен был *«осмотреть их мочу в стакане и определить и высказаться относительно их природы, качеств и здоровья»* (в то время это считалось наилучшим способом диагностики). По завершении представления Иван выбрал для себя одну из кандидатур, Марфу Собакину, а его сын Иван другую, — Е.Б. Сабурову. В заключение ливонцы с некоторым высокомерием замечают, что не считают нужным описывать, как и каким образом применялись на свадьбе варварские обычаи, уже известные им по свадьбе царя с Марией Темрюковной²⁹. Возможно, именно эти празднества имеют в виду польские послы, когда говорят о непристойных и грубых выходках царского шута, который *«передвигаясь на четвереньках, утрашал обнаженными ягодицами знатных земских господ»*³⁰. Этому браку было суждено стать самым коротким из многочисленных супружеств Ивана.

Пока царь раздумывал над тем, на какой из красавиц ему жениться, он попытался также выпутаться из унижительного положения, в которое попал, бежав из Москвы, и переложить ответственность за сожжение

города татарами на чужие плечи, дав понять своему войску, что во всем виноваты его командиры. Его поспешное отступление выглядело недостойным главного защитника истинной веры от мусульман. Некоторые военачальники, в том числе князь И. Ф. Мстиславский, были арестованы и сознались, что изменнически помогли безбожному крымскому хану и потому несут ответственность за гибель множества добрых людей и сожжение города³¹. Но Мстиславский не был казнен, а лишь подвергся опале, хотя ему пришлось найти поручителей, которые гарантировали его верность своими головами и суммой 40 000 рублей. Обвинения против Мстиславского были явно инспирированы царем. Они висели над ним еще несколько лет, на протяжении которых он должен был представлять все новые гарантии. Однако вскоре он получил новую командную должность и был назначен воеводой в Новгороде, куда царь собирался перенести свою резиденцию на время, пока татарская опасность не будет устранена, — часть новгородских земель была взята в опричнину³².

Москва стала непригодной для обитания. Потребовались месяцы, чтобы разобрать завалы, оставшиеся после пожара; купцов и ремесленников переселяли из всех крупнейших городов России; в октябре 1571 года 100 купеческих семей должны были перебраться в Москву и из обезлюдившего Новгорода. Столица перестраивалась по новому плану, предусматривавшему возведение многих укреплений, но восстановление Кремля и строительство новых стен потребовали немало времени.

Вскоре после помолвки с Иваном Марфа начала хворать; говорили, что мать поила ее чудодейственным средством, помогающим зачатию. Иван ускорил свадьбу в надежде, что брак поправит здоровье Марфы, так что церемония состоялась в Александровской слободе 28 октября 1571 года, а бракосочетание Ивана Ивановича было отпраздновано 4 ноября. Царицу сопровождали Малюта Скуратов и его зять, Борис Годунов, впервые появившийся на политической сцене, где ему суждено было занять столь важное место. Спустя несколько дней после свадьбы Марфа умерла. Это стало тяжелым ударом для Ивана не столько из-за утраты любимой жены, сколько от сознания того, что она была отравлена в стенах твердыни, которую он считал неприступной, и в окружении его верных слуг. Механизм расследования был немедленно запущен, а Иван занялся поисками новой невесты и разрешением серьезной

церковно-правовой проблемы, с которой он столкнулся: был ли его брак с Марфой Собакиной действительным? Были ли реально начаты супружеские отношения?³³ Эти вопросы следовало поставить перед Церковным собором, так как со времен Собора 920 года, относящегося к правлению императора Льва VI, существовал категорический запрет на вступление христианина в четвертый брак. (Что не помешало Льву VI взять четвертую жену.)

Шведские послы, приехавшие в 1569 году, все еще томились в крайне стесненных обстоятельствах в Муроме, и, наконец, после четырнадцатимесячной ссылки, потеряв во время чумы пятнадцать членов посольства, больные и истощенные, 28 ноября 1571 года они были переведены в Клин. Там их ожидал Иван со своими новыми секретарями, братьями Щелкаловыми, он направлялся в Новгород, откуда собирался руководить войной в Ливонии и планировавшимся им нападением на финское побережье Швеции³⁴.

9 января 1572 года Иван обратился к шведам через Щелкаловых в вызывающей и недипломатической форме, обвинив их в неуважении к его советникам и в отказе изложить им свои дела, унижающем его царское достоинство. Оскорбления, по его словам, нанесенные русскому послу Воронцову, послужили причиной для задержания в России шведских послов и, более того, побудили Ивана к нападению на их страну, дабы разорить ее.

11 декабря шведский гонец в России, присланный к Юстену в Муром, получил приказ ехать в Швецию, чтобы *«потребовать у короля признать свою вину»* и просить прощения, а также убедить Юхана III направить в Россию новых послов, которые умолили бы царя не нападать на Финляндию. 12 января шведы получили возможность несколько минут беседовать с царем на улице. Шведские дипломаты упали на колени, а Иван стал подробно излагать историю русско-шведских взаимоотношений, в частности, то, как посольство Юстена *«пожелало вести дела иначе, чем поступали прежние короли Шведского государства ... Мы не смогли терпеть вашего высокомерия... Не мы отправляли своих послов в Швецию за сестрой польского короля госпожой Катариной, нас привели к этому те обещания и письма, которые мы получали от послов... Они рассказывали, что герцог Юхан умер и у него не осталось ни детей, ни наследников. Поэтому мы просили отдать нам его вдову. Поверив лживым рассказам, мы отправили в Швецию послов, которые*

вернулись оттуда, пережив оскорбления и несправедливость... кормили же их словно каторжников».

Далее Иван выдвинул ряд крайне оскорбительных требований, а именно, чтобы Юхан отказался от своих притязаний на Ревель, уплатил 10 000 иоакимсталеров в качестве компенсации за нападение на русских послов, в случае необходимости прислал царю 200 или 300 всадников или пехотинцев, отдал все серебряные рудники, которые у него есть вдоль финской границы, и признал право русского царя на титул господина Шведской земли. Таков перечень русских запросов у Юстена*; в русском варианте они выглядят несколько иначе: Юхан должен был прислать копию шведского герба для включения его в русскую царскую печать — это было бы явным признанием подчинения России³⁵.

После дальнейших переговоров в Новгороде и горячих просьб шведских послов о заступничестве и предотвращении нападения на Швецию, обращенных к царевичам и боярам, шведы были приняты в царском дворце. Послы пали ниц, но Иван язвительно заметил, что, как *«христианский князь и правитель, он не требует, чтобы перед ним лежали на полу»*. Затем он вернулся к своим прежним утверждениям, касающимся переговоров с Эриком о выдаче Екатерины, *«оставшейся вдовой после герцога Юхана»* (явная неправда, о чем хорошо было известно как Ивану, так и всем остальным). Наконец Иван сообщил, что прислушался к мольбам своих сыновей и решил умерить свой гнев против Швеции. Он обещал послам дать разрешение вернуться в Стокгольм, если король образумится и уступит Ивану его вотчину, Ливонию. В противном случае разразится война. Затем Иван любезно пригласил послов на обед (было великолепное угощение), собственноручно налил им вина и дал поцеловать руку**³⁶. Послы вернулись в Стокгольм (злополучный Юстен отстал от них), после чего король Юхан с негодованием отверг требования Ивана, и началась новая война между Россией и Швецией в Ливонии и на финской границе; она длилась много лет.

Что касается отношений с Англией, то Иван не только отозвал в октябре 1570 года все привилегии, пожалованные Московской компании,

* Согласно тексту Юстена, эти требования царя им зачитали 9 января, до описанной выше встречи.

** В русском переводе текста Юстена: *«подняв чарку мега, попрощался с нами за руку»*.

в декабре 1570 года он конфисковал все ее имущество. Он объявил Елизавете о том, что Россия в прошлом обходилась без английских товаров и может обойтись без них в будущем. Елизавета приняла единственно верное решение согласиться с настойчивым требованием Ивана, чтобы ее послом был «*Антоний*», которому царь доверял больше, чем кому бы то ни было из англичан.

В соответствии с данными ему письменными, а также секретными устными инструкциями, Дженкинсон прибыл в Россию 26 июля 1571 года³⁷. До некоторой степени ему стала известна подоплека недовольства Ивана, вызванного несправедливыми и недоброжелательными отзывами Савина о том, как с ним обращались в Англии³⁸. Загадочная просьба Ивана, чтобы елизаветинский «Совет» заверял каждый параграф писем Елизаветы к Ивану, теперь объяснилась: *«И мы преж сего посылали к тебе своего дворянина Ондрея Григоревича Совина о котором деле и ты то дело положила на своих боярах а сама еси для девеческого чину того дела не делала. А бояре твои оставя то дело большое за делом мужитцкие дела торговые и то по тому делу не сталос»*³⁹.

В своем первом донесении домой Дженкинсон рисует мрачную картину той ситуации, которую он застал, и она заслуживает доверия, потому что Дженкинсон, в отличие от большинства английских послов в России, не был настроен против русских этой страны. От членов компании в Холмогорах и Вологде он получил четкие сведения. Компания пострадала от действий ряда конкурентов, то есть английских перебежчиков, которые торговали в России, не будучи членами компании, и в итоге Иван разрешил другим иностранцам нарушить английскую монополию. Дженкинсон рассказывает об ужасном голоде и море, которые свирепствовали на северо-востоке страны и препятствовали его продвижению, как и поездке его посыльного. Он говорит также о том, что царь предал *«мучительной смерти»* множество людей, имея в виду, вероятно, казни в июле 1570 года. Он характеризует разгром русских крымскими татарами и разрушение большей части Москвы пожаром как *«справедливую Божию кару этой испорченной нации»*⁴⁰. По-видимому, вследствие занятости Ивана Дженкинсон увидел его в Александровской слободе только через восемь месяцев после своего приезда, 23 марта 1572 года.

Дженкинсону была дана полноценная формальная аудиенция с преувеличенными расспросами о здоровье Елизаветы в присутствии

пышно разодетых бояр, которые затем оставили царя и посла наедине с главным секретарем (вероятно, Андреем Щелкаловым). Иван объяснил, что, доверив свои секреты «Антонию» в 1567 году, он ожидал, что Дженкинсон вернется в ранге посла, но все время приезжали другие люди. Иван обращался с Дженкинсоном очень милостиво и на пиру угощал его кушаньями со своего стола. Потом каждая из сторон изложила свои доводы, но решение так и не было принято; царь отпустил Дженкинсона и велел ему ждать ответа, так как должен был заняться пасхальными торжествами. Посол ожидал царя в Твери и, в конце концов, встретился с ним 13 мая 1572 года в Старице. Иван снова принял его в официальной обстановке «*в богатом венце на голове*», в присутствии своего сына и в окружении бояр. Иван заявил, что его недовольство было вызвано нежеланием Елизаветы назначить посла, который имел бы полномочия обсуждать тайные дела, в то самое время, когда Иван был «*весьма огорчен*» дурным поведением английских купцов. Теперь он испытывал удовлетворение в связи с заверениями Дженкинсона относительно намерений Елизаветы, но поскольку «*государские и тайные дела не были окончены к нашему удовольствию*», он хотел бы теперь оставить все эти дела и «на время» отложить их. При этом он обещал возобновить привилегии для английских купцов, хотя и не в полном объеме. Дженкинсону было предложено поцеловать царскую руку, и Иван, отмечает посол, «*мне дал пить из своих рук*»⁴¹.

В июле Дженкинсон выехал в Англию и прибыл туда в сентябре 1572 года. При нем было письмо Ивана к Елизавете, подтверждающее, что он оставляет в сторону «*дела, о которых ты пишешь нам в своей тайной грамоте*». Дженкинсон уехал в тот момент, когда Иван со дня на день ожидал известий о новом, еще более страшном нападении крымского хана и о смерти Сигизмунда Августа, которая должна была наступить в ближайшее время. Все это могло сделать его менее взыскательным в отношениях с Англией. Прежняя гармония в них была, очевидно, восстановлена, но причины этого крылись в изменившейся политике Ивана. Царь временно отказался от обсуждения вопроса о формальном союзе (от которого в войне против крымцев было мало пользы). Он также не стал возобновлять своего официального предложения о взаимном предоставлении убежища английским и русским монархам, которое Елизавета не приняла в желательном для него виде, то есть отвергла его для себя. Однако Елизавета согласилась не принимать сторону его

врагов и обещала приложить усилия для продолжения поставок таких товаров, которые не продавались больше никому, то есть оружия, по северному пути, в обход шведских и польских пиратов, действовавших на Нарве. Тем не менее Иван поднял вопрос о поступавших известиях, что некоторые английские подданные присоединяются к воюющим против России шведам⁴². Одновременно он готовился к военным действиям против Швеции и набегам на финское побережье, создав отряды под командованием касимовского хана Саин-Булата.

Иван принял меры для заселения опустошенного Новгорода, силой перевода туда жителей из других частей старинной республики, но на место смещенного архиепископа Пимена в течение двух лет никто не назначался. Это крайне унижало город, находившийся в особых отношениях с Церковью и имевший церковного главу, который носил легендарный белый клубок. За это время царь изъял из юрисдикции дома Св. Софии (новгородской кафедры) многие северные земли, ранее принадлежавшие Новгородской республике, а теперь переданные Вологодской епархии, относившейся к опричнине. В конце 1571 года новгородским владыкой стал архимандрит Леонид, тесно связанный с опричниной, который, опираясь на свою близость к царю, постарался извлечь из своей должности все возможные выгоды. Иван, в свою очередь, готовился приехать в Новгород и несколько смягчил свое отношение к здешней Церкви, вернув некоторые иконы, похищенные в январе 1570 года⁴³.

Ливонские советники Ивана Таубе и Крузе к этому времени простились с надеждой на создание независимого Ливонского королевства во главе с герцогом Магнусом и под эгидой Ивана и вступили в тайные переговоры с литовцами. Они рассчитывали 21 октября 1571 года захватить ливонский Дерпт и сдать его Сигизмунду Августу в обмен на земельные пожалования и предоставления такого же статуса, которым они пользовались в России⁴⁴. К несчастью для них, бунт был сразу же подавлен русским гарнизоном, и ливонцам ничего не оставалось, как бежать в Литву.

С тревогой ожидая в Новгороде новых известий о крымцах, Иван значительно ослабил эффективность и надежность опричников и всего войска, проведя по настоянию Малюты Скуратова массовую чистку среди бояр и заменив их в своем большинстве молодыми людьми из княжеских фамилий. Таубе и Крузе называют молодых князей, окружавших Ивана,

толпой ротозеев, набранных для того, чтобы приукрасить фасад опричнины перед иностранцами, в то время как почти все главы приказов остались на своих местах. Скуратов и его родственник Богдан Бельский (который не имел никакого отношения к литовским князьям Бельским, погибшим при московском пожаре в 1571 году), по словам Курбского, «прескверные паразиты и маньяки», сохранили свои должности, хотя В.Г. Грязной попал в опалу и лишился своих имений и в довершение своих несчастий угодил в плен к крымским татарам⁴⁵. На его просьбу о выкупе царь ответил в своем обычном насмешливом саркастическом тоне: «Или ты гумал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем?»⁴⁶.

Даже опричники начали ощущать, что отношение к ним царя изменилось, когда он начал время от времени избавляться от тех, кто вел себя слишком вызывающе или противозаконно⁴⁷. Хотя главным советником Ивана в политических и домашних делах стал, по-видимому, Малюта Скуратов, царь очень полагался на своего любимого астролога, мага и врача доктора Бомелия. Как бы то ни было, кадровая политика Ивана озадачивает: он истреблял «крамольных» или ненужных бояр без всякой системы. Например, шурин Владимира Старицкого, Н.П. Одоевский, один из князей верховских земель на границе с Литвой, чью сестру заставили принять яд, получал командные должности, а после мая 1571 года стал боярином и членом опричного совета. В начале 1570 года в Новгороде был казнен В.А. Бутурлин, а его брат, Д.А. Бутурлин, был гостем на царской свадьбе в октябре 1571 года⁴⁸.

Вернувшись в январе 1572 года в Александровскую слободу, Иван по-прежнему направлял много усилий на предотвращение ожидаемого нового нападения крымских татар, которых снова поддерживали турки, и укреплению своих позиций или союзов на польско-литовском и английском фронтах, а его войска продолжали делать набеги на шведскую границу. В 1571 и 1572 годах приближающаяся смерть Сигизмунда Августа создавала все больше трений между державами, по мере того как в России и в Речи Посполитой заранее рассматривались различные кандидатуры на престол. Крупные литовские магнаты, все еще скорбевшие о вынужденной уступке Волыни и Подолии Польше при заключении Люблинской унии, склонялись в ходе тайных переговоров весной 1572 года на сторону представителя Габсбургов, эрцгерцога Эрнста, младшего брата императора Максимилиана II

(любимого племянника и шурина Филиппа II, росшего в основном в Испании). Эрнст, которому исполнилось девятнадцать лет, должен был жениться на королевне Анне Ягеллонке, которой было уже сорок пять (родилась в 1527 году), но Максимилиан отклонил это предложение. Во всяком случае многие польские политики сомневались, что у империи хватит сил защитить конфедерацию от татарских набегов с юга, которые становились частью общего османского наступления в Юго-Восточной Европе, мишенью которого Литва не хотела становиться⁴⁹. Русский кандидат мог обеспечить более надежную военную помощь, но литовцы хорошо знали царя Ивана и царевича Ивана Ивановича и предпочитали иметь дело с младшим сыном царя Федором. При этом они намеревались оградить свои права и свободы многочисленными оговорками и разделить древние киевские земли между двумя державами, оставив львиную долю за Литвой. Сигизмунд Август был заинтересован в поддержании перемирия с Россией, и в ответ на просьбу Ивана весной 1572 года отправил послов для переговоров с ним.

Военные проблемы были оттеснены на задний план домашними делами, и 28 апреля 1572 года Иван заявил перед Церковным собором, что не имел фактического брака с Марфой Собакиной и что она умерла девицей. Брак не было, а следовательно, и запрет на четвертое супружество на царя не распространялся. Иван объявил, что, так как христианский мир охвачен раздорами, а его дети растут без матери, он решил жениться в четвертый раз. Воспользовавшись тем, что 8 февраля 1572 года умер митрополит Кирилл и Церковь осталась без главы, царь убедил Церковный собор дать ему разрешение на четвертый брак с Анной Колтовской. Однако на царя была наложена епитимья: ему не разрешалось в течение года до Пасхи входить в церковь, в течение следующего года он должен был стоять у дверей храма на коленях вместе с прочими грешниками, и только на третий год он мог присутствовать в церкви и быть допущен своим духовником к причастию во время Пасхи⁵⁰. На этот раз смотрин, видимо, не было. Возможно, новая невеста участвовала в предыдущем смотре или была представлена царю иным способом. Свадьба состоялась в мае 1572 года, а в июне Иван отправился в Новгород, где намеревался переждать назревающую войну с крымскими татарами.

Хан во главе крымских и ногайских сил появился на берегах Оки 27

июля 1572 года. Основные русские полки под руководством Михаила Воротынского находились в Серпухове; другие воеводы были набраны как из земщины, так и из опричнины — в числе последних был князь Д. Хворостинин. В упорном бою крымцы прорвали русскую оборону, и Девлет-Гирей со всей татарской армией, перейдя через Оку, устремился к Москве. Следовавшим за ними русским удалось остановить татар в местечке под названием Молоди, примерно в тридцати пяти* верстах от Москвы. Речь шла не о внезапном ударе или скоротечном набеге в обычном татарском стиле, но о хорошо подготовленном нашествии с целью захвата Нижнего Поволжья при участии могущественной Османской империи⁵¹. Это была серьезная угроза особенно ввиду плачевного состояния русского войска, а также голода и мора, свирепствовавших на протяжении двух последних лет, и общей нехватки военных и продовольственных припасов после пожара Москвы. На берегах Оки были построены частоколы, за которыми скрывались пищальники, стрелявшие по наступавшим татарам⁵². Русское войско, по обыкновению, было разделено на пять полков, кроме того, оно располагало часто использовавшимся средством — *гуляй-городами*. Это были деревянные передвижные укрепления на колесах, отдельные части которых перевозились на телегах и собирались воедино. За ними укрывались русские пушкари, которые обстреливали врага из орудий⁵³.

Серьезный бой возобновился 30 июля. С перерывами он продолжался несколько дней и в отличие от других столкновений с татарами был очень жестоким, часто переходя в рукопашный. Русские смогли развернуть свои гуляй-города для прикрытия пушек и стрельцов от туч из стрел, выпускаемых татарской конницей. Боярский сын из Суздаля, носивший не совсем русское имя Темир Алалыкин**, сумел взять в плен одного из главных татарских начальников — мурзу Дивея. Татары удвоили свой натиск, и обе стороны несли большие потери. Воротынский попытался зайти в тыл к татарам; он оставил на защите гуляй-города командира опричников князя Д.И. Хворостинина с пушкарями и небольшим числом немецких наемников, а сам вышел из укрытия, чтобы напасть на крымскую рать с тыла, в то время как Хворостинин обрушился на них с фронта. Татары не выдержали этой двойной атаки, погибли

* Обычно называют цифру 45 — 50 верст.

** В англ. оригинале: «Агалыкин».

двое ханских сыновей и много высших военачальников. По традиции, честь это й победы приписывается Воротынскому, но Скрынников считает, что тот был поставлен во главе войска только в силу его высокого ранга, а победа была одержана благодаря более молодому Хворостинину. Впрочем, был еще один кандидат на роль победителя — мученик и чудотворец тринадцатого века князь Михаил Черниговский, мощи которого недавно были перенесены в Москву⁵⁴.